

Завтра исполняется 150 лет со дня рождения нашего великого земляка Александра Сергеевича Даргомыжского—известного русского композитора, одного из основоположников русской классической музыки.

Расцвет творчества композитора относится к сороковым—пятидесятым годам прошлого века. Это—период появления «натуральной школы» в русском искусстве, пора возникновения и становления реализма. Даргомыжский подхватил и развил реалистическое направление в русском искусстве, и его можно по праву назвать основоположником критического реализма в музыке.

Даргомыжский дорог нам как один из знаменосцев реализма, проникновенный и чуткий художник, открывший новые пути в искусстве.

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ

В опере «Русалка», написанная на пушкинский сюжет. Вот что писал об этой опере сам композитор: «Глинка, который один до сих пор дал русской музыке широкий размах, помоему, затронул еще только одну ее сторону—сторону лирическую. По силе возможности я, в «Русалке» своей, работаю над развитием наших драматических элементов».

Впрочем, над развитием драматического начала в опере композитор задумывался и раньше, при создании «Эсмеральды»—оперы на сюжет романа Гюго «Собор Парижской Богоматери». Впоследствии сам он называл музыку этого произведения слабой. Однако в драматических сценах, по его собственному выражению, «уже проглядывал язык правды и силы».

В «Русалке» «язык правды» приобретает наиболее полное и могучее звучание. Умело и тонко передает автор трагедию девушки, обманутой князем, и горе ее старика-отца. Запоминается светлый, нежный образ Наташи. Потрясает образ мельника, потерявшего от горя рассудок. В опере ясно звучит тема социального неравенства, которое было одной из главных причин трагедии.

В этой опере автор выступает как новатор, смело ищущий новые средства музыкальной выразительности. Опера строится не из отдельных законченных сцен (хоры, арии), а на драматических сценах, в которых напряженность действия определяется быстрым чередованием диалогов и ансамблей.

Естественно, что поиски реалистических путей в искусстве привели Даргомыжского к народному творчеству. Он обрабатывал народные песни, использовал народные мелодии в некоторых своих произведениях.

Другим «учителем реализма» был для Даргомыжского А. С. Пушкин. Композитор неоднократно обращался к творчеству великого поэта. Кроме двух

опер («Русалка» и «Каменный гость»), он написал ряд песен и романсов на стихи Пушкина. Некоторые из них («Я вас любил», «Ночной зефир» и др.) до сих пор занимают почетное место в репертуаре наших певцов.

Расцвет творчества композитора относится к пятидесятым годам прошлого века. В это время он входит в редакцию пере-

дового сатирического журнала «Искра». Именно к этому периоду относятся произведения, в которых ясно звучит сатирическая, обличительная тема («Червяк», «Титулярный советник»). В «Червяке» остро и едко рисуется образ подхалима, который готов сколько угодно пресмыкаться перед «его сиятельством». «Титулярный советник»—проникнутый грустной иронией рассказ о «маленьком человеке», страдающем из-за своей любви к генеральской дочери. А за иронией, за комичностью этих маленьких произведений таится глубокая обида за человека, лишенного человеческого достоинства.

Внося новое содержание в музыку, Даргомыжский искал, естественно, и новые средства музыкальной выразительности. Он обогатил музыкальный язык, приблизив его к интонациям живой разговорной речи. Вот почему наряду с широкими напевными мелодиями в его произведениях звучит и гибкий, выразительный речитатив. Современники признавали Даргомыжского непревзойденным мастером в этой области. Одна из его опер—«Каменный гость»—от начала до конца построена на музыкальной декламации.

Даргомыжский был не только гениальным музыкантом, но и талантливым педагогом. Он был чле-

ном Русского музыкального общества, принимал непосредственное участие в создании первой русской консерватории. Почти все известные русские певцы, современники композитора, пользовались его уроками или советами. Их он учил тому же, чему посвятил свою жизнь,—находить правду жизни, уметь донести эту правду до сердца слушателя.

«Великим учителем музыкальной правды» назвал А. С. Даргомыжского его последователь, гениальный русский композитор М. П. Мусоргский.

Автор четырех опер, трех симфонических произведений—«Казачка», «Бабы-Яги», «Чухонской фантазии», двух струнных квартетов, трио, дуэтов, многочисленных романсов (около ста),—А. С. Даргомыжский по-настоящему дорог нам. Его музыка волнует сердца миллионов слушателей, звучит и по сей день в концертных залах многих стран.

И. РОЩИН.

Путь к правде

Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды.

А. ДАРГОМЫЖСКИЙ.

ришь. Ему сочувствуешь. И нехитрая мелодия песни заставляет больно сжиматься сердце. А каждый звук этой мелодии, каждая музыкальная фраза—удивительно точный штрих в портрете старого солдата.

Вспомните отрывистые, маршевые интонации припева:

Грудью подаясь!
Не хнычь, равняйся!
Раз! Два! Раз! Два!

Музыкальные фразы звучат отрывисто и сурово, как команда. В них—основная характеристика героя.

Речитативная мелодия песни остается в основном неизменной—и все-таки звучит все время по-разному. Композитор очень чутко к тексту, он ищет «прямого выражения слова», и в зависимости от того, о чем говорит капрал, варьируется основная тема, почти неуловимые интонации придают ей новое звучание. Во втором куплете она звучит мужественно, даже как-то резковато, «жестко». Слова героя проникнуты неприязнью к выскочке-дворянину, сознанием своей правоты:

Да, я прибил офицера!
Молод еще оскорблять

Старых солдат...

Но вот он вспоминает родное село, думает о своем молоденьком земляке кто знает—может, и ему не доведется вернуться домой? И мелодия становится плавной, элегической:

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам
воротись,

Нивы у нас зеленее,
Легче дышать...

И после коротенькой паузы—протяжно, как глубокий вздох:

...поклонись
Храмам селенья
родного...

Так же протяжно, напевно и грустно звучит воспоминание капрала о «русском походе», когда он спас от жестоких морозов чужую семью. Но вот он стоит уже перед дулами ружей,—и снова появляются в мелодии мужественные, жесткие интонации. Он встречает смерть, как подобает солдату. Снова отрывисто, резко звучат слова команды. Слышится в них бесстрашие старого солдата. Он словно прикрикивает на новобранцев, в руках у которых дрожит наведенное на него оружие:

Целься вернее!
Не гнущся!

Слушай команды слова...

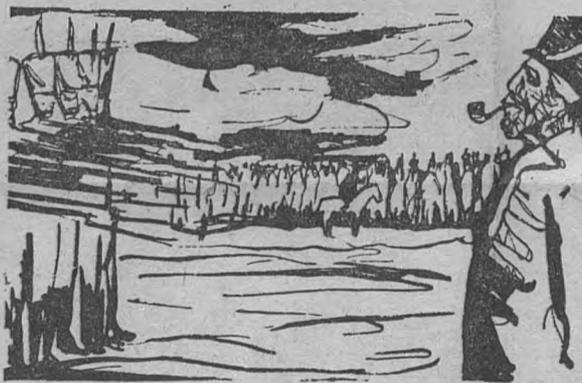
И лишь в последнюю секунду... Нет, мужество не изменяет ему. Просто прорывается вся его безысходная боль, тоска по жизни и любовь к товарищам-солдатам. Прорывается в обрванной на полуслове фразе:

Дай бог домой вам
вернуться...

Как залп, гремит заключительный аккорд. И до жути правдоподобно, как последние судороги, звучат последние короткие ноты...

...Эту песню нельзя слушать равнодушно. А не оставить человека равнодушным, затронуть какие-то струны в его душе может только настоящее искусство, искусство большой жизненной правды. Даргомыжский нашел эту правду в «Старом капрале». Он искал и находил ее и в других произведениях, которые по сей день знакомы и дороги людям. Дороги за главное—за правду.

А. ЮРЬЕВ.

Даргомыжский и Толстой

В 1855 году Даргомыжский закончил работу над оперой «Русалка». Впервые опера была поставлена 4 мая 1856 года на сцене Мариинского оперного театра в Петербурге. На премьере в одной из лож рядом с композитором находился Лев Николаевич Толстой. К сожалению, об этой интересной встрече не осталось никаких письменных свидетельств, если не считать воспоминаний народного артиста СССР Александра Борисовича Гольденвейзера. В своей статье «Толстой и музыка» Гольденвейзер пишет: «Лев Николаевич однажды при мне вспомнил, что был на первом представлении «Русалки» и сидел в одной ложе с Даргомыжским».

9 января 1900 года у Льва Николаевича в московском доме в Хамовниках побывали С. В. Рахманинов и Ф. И. Шаляпин. Они исполнили для Толстого ряд музыкальных произведений, в числе которых и два произведения А. С. Даргомыжского: комическую бытовую музыкальную сценку «Мельник» на стихи А. С. Пушкина и песню «Старый капрал».

Вспоминая об этом, Шаляпин писал: «Меня просили спеть еще. Я спел еще несколько вещей и, между прочим, песню Даргомыжского на слова Беранже «Старый капрал». Как раз против меня сидел Лев Николаевич, засунув обе руки за ременный пояс своей блузы. Нечаянно бросая на него время от времени взгляд, я заметил, что он с интересом следит за моим лицом, глазами и ртом.

Когда я со слезами говорил последние слова расстреливаемого солдата: «Дай бог домой вам вернуться», Толстой вынул из-за пояса руку и вытер скатившиеся у него две слезы. Мне неловко это рассказывать, как бы внушая, что мое пение вызвало в Льве Николаевиче это движение души; я, может быть, правильно изобразил переживания капрала и музыку Даргомыжского, но эмоцию моего великого слушателя я объяснил расстрелом человека. Когда я кончил петь, присутствующие мне аплодировали и говорили мне разные лестные слова. Лев Николаевич не аплодировал и ничего не сказал».

В июне 1910 года Лев Николаевич слушал еще одну песню Даргомыжского «Лихорадушка». По воспоминаниям домашнего врача Толстого, Д. П. Маковицкого, Лев Николаевич, прослушав эту песню, сказал: «Квази-народная очень».

В фонотеке Яснополянского дома-музея Л. Н. Толстого имеется грампластинка с записью романса Даргомыжского «Душечка девица», который Лев Николаевич также слышал.

Вот несколько скупых строчек о фактах, связывающих двух выдающихся туляков—композитора А. С. Даргомыжского и писателя Л. Н. Толстого.

Н. МАМОНОВ, научный сотрудник
музея-усадьбы «Ясная Поляна».